

Индекс УДК 433 (914)/(919)

Код ГРНТИ 03.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-118-03-139-159

**А.В. ФЕДОРЧЕНКО,
А.В. КРЫЛОВ***

Влияние Иерусалима на культуру России

Иерусалим и Россию связывают не годы, а века. Со времён Крещения Руси Иерусалим ассоциировался со средоточием мироздания и духовных основ всего человечества, с центром зарождения трёх основных монотеистических религий. Начиная с XI в. тысячи паломников направлялись из русской земли на Восток «в Иерусалим Град помолитися, Господню Гробу поклонитися». История Иерусалима и библейские сказания о нём нашли свое отражение в древнерусском фольклоре, полотнах известных русских живописцев, произведениях классиков отечественной литературы, воспоминаниях прославленных представителей российской культуры и общественной мысли. В статье раскрываются некоторые сюжеты и аспекты этой необъятной темы.

Ключевые слова: Иерусалим, Палестина, Россия, древнерусские былины о Иерусалиме, паломничество на Святую Землю, Святой Град в русской культуре

*«Светися, светися, новии Иеросалиме,
слава бо Господня на Тебе восия»
(Чин православного Пасхального
Богослужения)*

Влияние Иерусалима на российскую культуру многогранно и имеет давнюю историю. Образ Святого города присутствует ещё в былинах — древнерусских, русских народных эпических песнях о героических событиях или примечатель-

ных описаниях эпизодов национальной истории XI–XVI вв. [1, с. 152–159]. Легенда о том, что именно в Иерусалиме находится пуп земли (центр земного мироздания), передавалась веками из уст в уста многими паломниками, направлявшимися из Руси на Святую Землю. Не случайно тема Иерусалима часто звучит в наиболее примечательном русском народном эпосе, получившем название «Голубина книга»:

* **Федорченко Андрей Васильевич** — доктор экономических наук, профессор, директор Центра ближневосточных исследований Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД России, руководитель проекта «Иерусалим и Святая Земля в ретроспективе российской внешней политики на Православном Востоке» (21-014-41001).

E-mail: a.fedorchenco@inno.mgimo.ru

Крылов Александр Владимирович — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований МГИМО МИД России, исполнитель того же проекта.

E-mail: avkrylov2004@mail.ru

«Иерусалим-город городам отец,
Почему тот город городам отец?
Потому Иерусалим городам отец;
Во тем во граде во Иерусалиме
Тут у нас среда земле.
Собор-церковь всем церквам мати.
Почему же собор-церковь всем церквам мати?
Стоит собор-церковь посреди града
Иерусалима,
Во той во церкви соборней
Стоит престол божественный;
На том на престоле на божественном
Стоит гробница белокаменная;
Во той гробнице белокаменной
Почивают ризы самого Христа,
Самого Христа, Царя Небесного, —
Потому собор-церква церквам мати.
Ильмень-озеро озерам мати:
Не тот Ильмень, который над Новым
градом,
Не тот Ильмень, который во Цареграде,
А тот Ильмень, который в Турецкой земле
Над начальным градом Иерусалимом»
[2, с. 37].

Стих о Каменной, или Голубиной, книге, по праву занявшей место священного сказания русского народа, был сложен в конце XV – начале XVI в. в форме вопросов и ответов, дающих в простой и доходчивой форме сведения о происхождении мира, людей, сословий, а также неординарную фольклорную космографию. Стих восходит преимущественно к ряду переводных апокрифических сочинений, которые в процессе бытования на Руси подверглись влиянию фольклора. В своём первоначальном виде этот памятник древнеславянской литературы не сохранился, но с XVII в. стали появляться разные рукописные списки. Устное народное сказание повествует о том, что в городе Иерусалиме при царе Давиде из небесной тучи выпадала огромных размеров книга за семью печатями, заключающая в себе все тайны бытия. Наиболее красочно рассказ о нисхождении с Небес рукописного слова Всевышнего изложен в народном эпосе «Свиток Иерусалимский»:

«Во светлом граде Иерусалимове
В третьем часу воскресения Христова
Из седьмого неба выпадши камень,
Камень ни огнен, ни студен, ширины
об аршин.
Тяготы ему не споведать никому.
Съезжались к камню цари и патриархи,
Игумены, папы, священники,
Церковные причетчики, христиане
православные,
Служили над камнем три дни и три ночи.
Камень распадохом на две половины.
В том же камне есть свиток,
Иерусалимский список.
Кто ж его писал?
Ни патриарх и ни ангел Божий, —
Во прети Бог написал, Господа нашего
Исуса Христа,
Его рукописание Духом Святым
напечатано» [3, с. 233].

В народе священная книга стала называться «Голубиной», символизируя нисхождение Святого Духа, или «Глубинной» — от глубины её премудрости. В русском фольклоре Святой Град Иерусалим ассоциировался прежде всего с местом, где пошёл на мученическую смерть во имя спасения рода человеческого Иисус Христос, при этом сам Спаситель именовался не только Царём Небесным, но и повелителем царства Московского:

«Почему Ерусалим всем градам отец?
Потому Ерусалим всем градам отец,
Что распят был в нём Исус Христос,
Исус Христос, сам небесный царь,
Опречь царства Московского» [4, с. 173].

Иерусалим неоднократно упоминается в сказании о Егории Храбром, сыне св. Софии Премудрой и её трёх дочерях — Вере, Надежде и Любви:

«Как во городе, во Ерусалиме,
При царе было, при Фёдоре,
При царице было, при Софее,
Породила она Фёдору три дочери,
Ещё четвёртого Егория Храброго...» [5, с. 103].

Далее стих повествует о необычайной встрече Егория Храброго в Иерусалиме с почитаемой на христианской Руси его матерью Софией Премудрой (ил. 1):

*«Выходит Егорий на святую Русь.
Идёт во свой во Ерусалим-град.
Ерусалим-град – он пуст стоит;
Одни церкви! и стоит одна
Церковь Божия соборная, богомольная:
Во той во церкви его матушка,
Святая Софея премудрая,
На святые иконы Богу молится;
Молитва её к Богу доносится» [Там же,
с. 107].*

О нравах, быте и традициях русского паломничества на Святую Землю и в Иерусалим повествует былина «Сорок калик со каликою»:

*«А из пустыни было Ефимьевы,
Из монастыря из Боголюбова
Начинали калики наряжаться
Ко святому граду Иерусалиму, –
Сорок калик их со каликою...
А и будут в граде Ерусалиме,
Святой святыне помолились,
Господню гробу приложились,
Во Ердане-реке искупались,
Нетленную ризою утирались» [Там же,
с. 93].*

Обычно русские «калики перехожие» собирались в дружины и ходили в Иерусалим через Балканский полуостров. В русских былинах рассказывается о каликах, совершающих восхождение в Святую Землю, в «славный город Иерусалим». В былинах «Сорок калик» молодой богатырь Касьян Афанасьевич держит такую речь перед своими товарищами:

*«Ходили калики в Ерусалим град вперёд шли...
В граде Ерусалиме святой святыни
помолились,
Господню гробу прилояшились,
во Ердане реке искупались,
нетленную ризою утирались» [Там же, с. 97].*

Ил. 1. Особо почитаемая икона Софии Премудрой в софийском Соборе в Новгороде

Народная фантазия зачастую живописала причудливые сюжеты, в которых воспроизводились необычайные странствия легендарных русских богатырей в Палестину и град Ерусалим. Так, в былинах о Василии Буслаеве из города Господина Великого Новгорода рассказывается о том, что тот, осознавая, что «много дел неправедных совершил», решается со своей дружиною держать путь на Святую Землю, дабы там искупить вину за грехи и «укротитко своё сердце богатырское»:

*«И поедем мы ко граду Ерусалиму,
Ко святой гробнице Христовой
приложитися,
Святой святыне помолилися.
И склались молодцы-те на лодочку,
И поехали ко граду к Ерусалиму,
Ко святой гробнице Христовой
приложитися.
Тогда никакая погода молодцов
не сдерживает,
Против ветра едут, как сокол летит.*

*И приезжали они ко граду к Еерусалиму,
Пошли во Иордань-реку купатися;
И все купаются братья в рубашечках,
А молодой Василий Буславьевич телом
нагим» [6, с. 16].*

В наиболее полных версиях сказаний о Василии Буслаеве говорится о том, что ему не суждено было вернуться на родину: и он и ещё один русский богатырь Василий Игнатъевич погибли в сражении с сарацинами. Его сотоварищи хоронят их на Святой Земле и ставят на могиле крест с такой надписью:

*«Лежат два удала добра молодца,
Два сильни могучи богатыри:
Да один-то Василей сын Игнатъевич,
Другой-то Василей сын Буславевич,
Их убила сорочина долгополая,
Да та же ли чудь двоеглазая» [Там же, с. 107].*

Самый известный богатырь русских народных сказок Илья Муромец в своей жизни часто встречался с каликами и жадно внимал их рассказам о Святой Земле. В былине «Илья Муромец и Идолище» сообщается о встрече богатыря с неким каликом Иваном, и тот поведал ему историю о своём хождении на Святую Землю:

*«Сходил (Иван) к городу еще Еросолиму,
Там Господу-то Богу он молился есть,
Во Ердань-то реченьке купался он,
В кипарисном деревце сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Как тут-то он, Иван, поворот держал,
Назад-то он тут шёл мимо Царь-от-град»
[7, с. 237].*

Под впечатлением рассказа калика сам собрался в поход на Святую Землю, но дошёл только до Царьграда:

*«Как приходил Илюшенька
во Царь-от-град,
Хватил он там татарина под пазуху,
Вытащил его он на чисто поле,*

*Как начал у татарина доспрашивать:
«Ты скажи, татарин, не утай себя,
Какой у вас невежа есть поганый был,
Поганый был поганое Идолище?» [Там же,
с. 238–239].*

В России восемнадцатого столетия в эпоху классицизма и правления первого русского императора стараниями М.В. Ломоносова зарождается одическая поэзия. В этом особом лирическом жанре, призванном восхвалять величие царствующих особ, тема Святого Града и его наиболее выдающихся правителей времён процветания Иудейского царства, часто использовалась для возвеличивания сначала Петра I, в последствии – преемников его трона. В одной из первых своих од, посвящённых Петру Великому, М.В. Ломоносов восторженно восклицал:

*«Великолепно облекися,
Российский радостный Сион,
Главой до облак вознесися:
Сампсон, Давид и Соломон
В Петре тобою обладают
И Голияфов презирают.
Сильнее тигров Он и львов,
Геройска бодрость в нём избрана:
Иссохнет на земли попрунна
Свирепость змиевых голов» [8, с. 759].*

В Оде Императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской на день восшествия на всероссийский престол её величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 г., составитель первого нормативного описания русского языка писал:

*«Отверзся в славе Божий град.
Ефир, земля и преисподняя
Зиждителя со страхом ждуть!
Я вижу отрока Господня;
Приемлюща небесный суд» [9, с. 649].*

Г.Р. Державин в Оде «На поднесение Его Императорскому Величеству Великого Магистерства Ордена святого Иоанна Иерусалимского и на победу над

французами российским флотом, одержанную 1798 года», так представил образ Святого Города:

*«Кто ж горня Иерусалима
Наследник сей и друг Христов?
В ком доблесть благодати зрима
И соподвижник кто Петров?» [10, с. 13].*

Классики российской поэзии А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов никогда не были в Иерусалиме, но иерусалимская тема не могла обойти стороной их творчество. Первая поэма А.С. Пушкина «Монах» (написана предположительно в 1813 г.) — почти дословное повторение начала 6-й главы книги пророка Исая:

*«Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим.
Поступок сей наверно наградится,
А я тебя свезу в Иерусалим».
При сих словах Монах себя не вспомнил.
«В Иерусалим!» — дивясь он бесу молвил.
«В Иерусалим! — да, да, свезу тебя».
— Ну, если так, тебя избавлю я.
Старик, старик, не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Иерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним» [11].*

Путешествие благочестивого праведника в Иерусалим на бесе — одно из наиболее ярких и известных повествований, включённых даже в житие святителя Иоанна Новгородского, избранного во служение с 1165 по 1186 г.: «За твою бесстыдную дерзость повелеваю тебе сею ночью отнести меня в Иерусалим и поставить у храма, где находится Гроб Господень; из Иерусалима тотчас же ты должен обратно перенести меня сюда в мою келлию в ту же самую ночь, и тогда я отпущу тебя» [12]. Похожий сюжет, согласно которому бес выступает в качестве спутника праведника, использовал Н.В. Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», а Н.С. Лесков — в повести «Очарованный странник».

М.Ю. Лермонтов размышлял о Святой Земле и Иерусалиме в знаменитой «Ветке Палестины» (1838 г.):

*«Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела,
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была? ...
Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой,
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!» [13]*

На создание произведения М.Ю. Лермонтова вдохновила пальмовая ветвь в квартире путешественника А.Н. Муравьёва, стоявшая рядом с иконами. Этот трофей приятель поэта, брат декабриста Александра Николаевича Муравьёва, привёз из своего путешествия в Палестину. Время написания стихотворения стало предметом спора для биографов, но большинство из них считает верным 1837 г.

Поэт в творении обращается к пальмовой ветке. Ветвь — это символ веры и мира. Идея сюжета была почерпнута из христианской традиции. Об этом свидетельствуют многочисленные образы, характерные для христианского мировоззрения: «Воды чистые Иордана», «Молитву ль тихую читали», «Всё полно мира и отрады». В его монологе затронуты многие религиозно-философские темы. Здесь читатель созерцает пейзажные зарисовки, знакомые по библейским сказаниям, мысли о жизни и смерти, размышления о Родине, разлуке и вере.

В другом стихотворении М.Ю. Лермонтова «Спор» (1841 г.) есть такие слова:

*«Вот у ног Ерусалима
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мёртвая страна» [Там же, с. 73].*

Интерпретация сюжета о Святом Граде как средоточии бытия нашла отражение в творчестве таких известных поэтов и писателей Земли русской, как Константин

Бальмонт, Борис Зайцев, Николай Заболоцкий, Михаил Пришвин, Александр Блок, Вячеслав Иванов.

Целый пласт более близкой к нам по времени русской поэзии пронизывают библейские мотивы, темы, образы. И не так важно, были авторы этих произведений паломниками на Святой Земле, как, например, П.А. Вяземский, И.А. Бунин, С.Я. Маршак, или не были — О.Э. Манделштам, Б.Л. Пастернак, А.А. Ахматова, Н.С. Гумилёв, М.И. Цветаева... Все они без исключения любили библейскую обетованную землю, с любовью её воспевали, сопереживали трагическим событиям в её судьбе и истории.

В апреле 1850 г. П.А. Вяземский совершил поездку в Иерусалим. Впечатления от этого события были сохранены в путевом дневнике и стихах: «Иерусалим» (1850), «Палестина» (1853), «Одно сокровище» (1853), «Александр Андреевичу Иванову» (1858). Стихотворение «Иерусалим» стало первым, открывшим «палестинскую страницу» в лирике поэта. В произведении П.А. Вяземского выстраивается духовная вертикаль: «Иерусалим как крест спасения, Гефсимания — как образ меры Божественной любви и сострадания к человеку, как готовность Господа отдать себя на страдание во имя человека и, наконец, Елеонская гора, на которой произнеслись пророческие слова Господа о втором пришествии — как символ надежды и одновременно предостережения заблудившемуся человечеству» [14].

Иван Бунин посетил Палестину в 1907 г., и его путевые заметки вылились в цикл очерков и стихов о погранной чужими языками древней земле Израиля. Несколько произведений были непосредственно посвящены Иерусалиму:

*«Это было весной.
За восточной стеной
был горячий и радостный зной,
зеленела трава.
На припёке во рву мак кропил огоньками
траву.
... и сказал проводник: господин, я еврей
и, быть может, потомок царей...»*

*Посмотри на цветы по Сионским стенам —
это всё, что осталось нам.*

*... кровь погибших в боях:
каждый год, как весна,
красным маком восходит она» [15].*

О том, насколько глубоко проникся Иван Бунин географией, атмосферой и неисчерпаемой для вдохновения и творчества библейской тематикой, можно судить по следующим строкам:

*«У ворот Сиона, над Кедром,
На бугре, ветрами обожжённом,
Там, где тень бывает от стены,
Сел я как-то рядом с прокажённым,
Евшим зёрна спелой белены.
Он дышал невыразимым смрадом,
Он, безумный, отравлялся ядом,
А меж тем, с улыбкой на губах,
Поводил кругом блаженным взглядом,
Бормоча: “Благословен Аллах!”
Боже милосердый, для чего ты
Дал нам страсти, думы и заботы,
Жажду дела, славы и утех?
Радостны калеки, идиоты,
Прокажённый радостнее всех» [Там же, с. 417].*

Иван Бунин настолько точно передал в своих стихотворных воспоминаниях пейзажи и фрагменты иерусалимских достопримечательных мест, что некоторые русскоязычные гиды зачитывают его палестинские строфы туристам, как бы говоря, что лучше того, что было прочувствовано поэтом, вряд ли можно повторить:

*«Но вот вам отдых, мир и тишина.
Гора полдневным солнцем сожжена,
Русло Кедрона ветры иссушили,
Но в прах отцов вы посохи сложили.
Вас обрела родимая страна.
В ней спят цари, пророки и левиты;
В блаженные обители ея
Всех, кто в чужбине не были убиты,
Сбирает милосердный судия.
По горным склонам каменные плиты
стоят открытой книгой Бытия» [Там же,
с. 225].*

Трагическая тема падения Иерусалима и разрушения храма – одна из основных в русской «библейской» поэзии XIX – начала XX в. Причин тому множество: от огромного впечатления, производимого книгой пророка Иеремии, до попыток проведения аналогии между минувшим и настоящим. Но если стихи XIX столетия являются в основном парафразой строк из Священного писания или псалмов, то поэзия Серебряного века поражает новизной восприятия знакомой тематики. В стихах Александра Блока Иерусалим был подобен птице феникс: с одной стороны, это город страдания и горести, разрушенный, по предсказанию Христа, за прегрешения и высокомерие его жителей, а с другой – это символ будущего возрождения, вселяющий надежду на лучшее будущее. Его Иерусалим накануне заката эры иудейского Второго Храма ассоциируется с революционными событиями в Петрограде, а воскресший Спаситель, увенчанный уже не терновым венцом, а розами, – с духовным лидером строителей нового мира. Это шествие в сопровождении «двенадцати человек», явно олицетворяющих новое поколение апостолов, происходит «тёмным вечером» на фоне «чёрного, чёрного неба». И размышляя над происходящим, Александр Блок не знает ответа на волнующий всех вопрос: «Что впереди?» [16].

В этом блоковском «чёрном, чёрном небе» зарождается «Чёрное солнце» О. Мандельштама:

*«Эта ночь непоправима,
А у вас ещё светло.
У ворот Ерусалима
Солнце чёрное взошло.
Солнце жёлтое страшнее –
Баю-баюшки-баю.
В светлом храме иудеи
Хоронили мать мою.
Благодати не имея
И священства лишены,
В светлом храме иудеи
Отпевали прах жены.*

*И над матерью звенели
Голоса израильтян.
Я проснулся в колыбели,
Чёрным солнцем осиян» [17].*

Иудейская традиция толкует чёрный цвет как символ праведных, достойных мужей, а жёлтый – цвет тревоги, предвестник беды. Флаг Мессии, Посланника Божия – жёлтый с эмблемой в виде чёрной короны. Нет ли горькой иронии в том, что точно такая же цветовая гамма у российского императорского стяга. Стихотворение Мандельштама 1917 г., посвящённое А.В. Карташёву, также навеивает эсхатологическую параллель между захлестнувшим революционным цунами Петербургом и погибающим по предсказанию Христа Иерусалимом:

*«Среди священников левитом молодым
На страже утренней он долго оставался.
Ночь иудейская сгущалась над ним,
И храм разрушенный угрюмо созидался.
Он говорил: небес тревожна желтизна!
Уж над Евфратом ночь: бегите, иереи!
Но старцы думали: не наша в том вина –
Се чёрно-жёлтый свет, се радость Иудеи.
Он с нами был, когда на берегу ручья
Мы в драгоценный лён субботу пеленали
И семисвещником тяжёлым освещали
Ерусалима ночь и чад небытия» [Там же,
с. 117–118].*

Эти же переживания о печальной судьбе растерзанного Иерусалима отчётливо выражаются в поэтическом наследии Анны Ахматовой. В стихотворении «Эпические мотивы», написанном за год до революции в России, есть такие строки:

*«Смеркается, и в небе тёмно-синем,
Где так недавно Храм Ерусалимский
Таинственным сиял великолепьем,
Лишь две звезды над путаницей веток» [18].*

Революционные времена в России, оказавшейся в плену идеологии, которая требовала – вопреки здравому смыслу и гу-

манистическим ценностям — уничтожения существующего правопорядка и обустройства общества с нуля (*tabula rasa*), побуждают М.А. Цветаеву сравнить век Иисуса Христа с XX в.:

*«Век коронованной Интриги,
Век проходимцев, век плаща!
— Век, коронованный Голгофой!» [19].*

Мотивы, связывающие образ Святого Города с трагическим этапом в истории России, наполняют стихотворение Н.С. Гумилёва «У ворот Иерусалима»:

*«У ворот Иерусалима
Ангел душу ждёт мою,
Я же здесь, и, Серафима
Павловна, я Вас пою. Мне пред ангелом
не стыдно,
Долго нам ещё терпеть,
Целовать нам долго, видно,
Нас бичующую плоть. Ведь и ты,
о сильный ангел,
Сам виновен, потому
Что сбежал разбитый Врангель
И большевики — в Крыму» [20].*

Несмотря на трагизм положения в России, Н.С. Гумилёв не пессимистичен в отношении её будущего, он верит в её возрождение, как и в явление нового Иерусалима, предсказанного в последнем апокалиптическом видении тайнозрителя и апостола Иоанна Богослова:

*«Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны» [Там же, с. 92].*

Даже уйти из жизни поэт мечтал на Святой Земле:

*«И последнюю милость, с которой
Отойду я в селенья святые:
Дай скончаться под той сикоморою,
Где с Христом отдыхала Мария» [Там же, с. 92].*

Б.Л. Пастернак никогда не посещал Палестину, но это стихотворение по праву считается вершиной его творчества. Именно этим проникновенным поэтическим шедевром писатель завершает главный труд своей жизни — роман «Доктор Живаго». Именно здесь, у подножия Елеонской горы в Иерусалиме происходит центральное евангельское событие: в Гефсиманском саду Христос молит Всевышнего, «чтоб эта чаша смерти миновала», но он понимает, что ход событий уже предрешён и ему, согласно древнему пророчеству, суждено добровольно пойти на смерть (Ис. 53:7):

*«Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного её величья
Я в добровольных муках в гроб сойду» [21].*

Именно в Гефсиманском саду Христос осознаёт, что его предстоящая мученическая смерть — это лишь конец земного жизненного пути; главное впереди — воскресение и вечная жизнь в лучшем из миров. Именно эта история, произошедшая у стен старого города Иерусалима, вдохновляла и вселяла надежду мастеру, подвергавшемуся гонениям и травле со стороны властей и многих, кого он недавно считал своими друзьями. Именно эта история в трагические дни для него стала спасением и главной святыней:

*«Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пусть же сбудется оно. Аминь» [Там же].*

Особо хотелось бы отметить палестинский цикл из пяти стихов, принадлежащий перу С.Я. Маршака, который отечественному читателю в основном знаком по произведениям детской литературы и блестящим переводам зарубежной классики. Мало кто знает, но в 1911 г., когда он был молодым литератором, его послали коррес-

пондентом «Всеобщей газеты» на Ближний Восток. Маршак с детства мечтал побывать на родине своих предков. О его любви к земле Израиля и Иерусалиму он признался уже в своём первом опубликованном сборнике стихов, который назывался «Сиониды»¹. В этом сочинении мы находим такие слова:

*«Снятся мне: в родную землю
Мы войдём в огнях заката
С запылённой одеждой,
Замедлённой стопой.
И войдя в святые стены,
Подойдя к Ерусалиму,
Мы безмолвно на коленях
Этот день благословим.
И с холмов окинем взглядом
Мы долину Иордана,
Над которой пролетели
Многоскорбные века»².*

В советское время С.Я. Маршак старался отречься от своих первых поэтических опытов. Приведём отрывок из наиболее полной биографии писателя, составленной М.М. Гейзером. Поэт Арон Вергелис вспоминал, что «не многим сегодня известно, что Маршак начал с маленькой книжечки «Сиониды». Ещё молодым пареньком написал он её. Я принёс ему как-то эту книжечку и сказал: «Вот ваша первая книжечка». Он был до крайности озабочен: «Голубчик, неужели я не всё уничтожил?..» [22].

Стихотворения, написанные С.Я. Маршаком в 1911 г. в Палестине, тоже не были опубликованы на родине писателя, а если и публиковались, то из них вырезались четверостишья с библейскими персонажами и топографией. Так, в стихотворении «Мы жили лагерем в палатке», изданном

в солидном издании «Библиотека поэта», отсутствуют строки, указывающие на то, что они посвящены Святой Земле [23]:

*«В прибытья час мой спутник старый
Мне указал на ближний склон
С древней бедной. Это – Цара³,
Здесь жил в младенчестве Самсон.
Теперь здесь нужен труд Самсонов:
С утра до поздней темноты
Здесь гонят змей и скорпионов,
Сдвигают камни, жгут кусты» [24].*

В Иерусалиме в 1970-х гг. был впервые опубликован палестинский цикл стихов С.Я. Маршака, в том числе ключевое произведение этого восточного путешествия поэта «Иерусалим»:

*«По горной царственной дороге
Вхожу в родной Иерусалим
И на святом его пороге
Стою смущён и недвижим.
Меня встречает гул знакомый,
На площадях обычный торг
Ведёт толпа. Она здесь дома,
И чужд ей путника восторг.
Шумят открытые харчевни,
Звучат напевы чуждых стран,
Идёт, качаясь, в город древний
За караваном караван.
Но пусть виденья жизни брэнной
Закрыли прошлое, как дым, –
Тысячелетья неизменны
Твои холмы, Иерусалим!
И будут склоны и долины
Хранить здесь память старины,
Когда последние руины
Падут, веками сметены.
Во все века, в любой одежде
Родной, святой Иерусалим*

¹ Сиониды — жанр еврейских литургических песнопений, в которых выражается страстное желание еврейского народа увидеть холм Сион, расположенный в Иерусалиме. Самая древняя песнь о Сионе в еврейской литературе была написана примерно в V в. до н.э. и представляет собой плач в связи с вынужденным пребыванием народа Израиля на чужой земле (Пс. 137:1–3).

² Стихотворение «Снятся мне...» из цикла «Сиониды» было опубликовано с разрешения Алексея Сперанского-Маршака, сына С.Я. Маршака, в журнале Союза писателей Израиля (Слово писателя. 2004. № 7. С. 82).

³ Цара (Цора) — название надела Израилева колена Дана. Согласно Библии, здесь явился ангел жене Маноаха и сообщил доселе бесплодной женщине, что она родит будущего судью-богатыря Самсона (Суд. 13:2).

*Пребудет тот же, что и прежде, –
Как твердь небесная над ним!» [Там же,
с. 130–131].*

Несмотря на то что впоследствии по понятным причинам С.Я. Маршак всячески избегал даже упоминаний о своём поэтическом творчестве на Святой Земле, эта поездка стала наиважнейшей в его судьбе: именно там он встретил свою единственную любовь – Софью Михайловну Мильвидскую, с которой не расставался всю жизнь.

Ещё в молодом возрасте С.Я. Маршаку предстояло сделать непростой выбор: либо примкнуть к набиравшему популярность среди еврейской интеллигенции России сионистскому движению, либо принять революцию и поверить в способность советской власти перестроить жизнь в стране к лучшему. Самуил Яковлевич выбрал второе. Не случайно даже в Еврейской энциклопедии он назван «русским писателем» [25]. Многие его коллеги пошли по стопам известного еврейского средневекового поэта Иегуды бен Галеви, автора известных строк: «Я на Западе крайнем живу, – а сердце моё на Востоке» [26]. Х.Н. Бялик, А. Шленский, Ш. Черниховский, Л. Гольдберг, З. Шнеур, Я. Штейнберг, Александр Пэнн и др. осуществили восхождение к Сиону (алию) и стали участниками возрождения иврита как языка формирующейся новой израильской нации. Многие из них были в Иерусалиме и писали о нём, как, например, Владимир (Зев) Жаботинский:

*«Этот призрак – Город Мира,
это – Мать того народа.
Каждый год она рыдает
над Сионом с небосвода
и зовёт из стран изгнания
в тихий рай своих полей
Божьей карой многолетней
истомлённых сыновей...» [27]*

Однако это уже другая история и повод для написания другого исследования о месте Иерусалима в русско-еврейской

поэзии. Наша же история была бы неполной, если бы мы не упомянули Андрея Дмитриевича Дементьева, замечательно-советского и российского поэта, публициста, радио- и телеведущего, долгое время работавшего, жившего, искренне полюбившего Иерусалим и вдохновенно писавшего о Вечном Городе. Одно из его стихотворений из иерусалимской антологии так и называется «Вечный Город»:

*«Наступит день – сюда сойдёт Мессия.
И, встав у замурованных ворот,
Он усмехнётся мрачному бессилью
Своих врагов, не веривших в приход.
В долине состоится страшный суд.
Восстанут из могил Иерусалима
Умершие
И нас судить придут.
И только совесть будет несудима» [28].*

Образ Святого города на протяжении многих лет вдохновлял российских литераторов. Как писал Н.В. Гоголь В.А. Жуковскому, «все Святые места должны быть в твоей душе» [29].

Близкий друг и постоянный корреспондент А.С. Пушкина князь П.А. Вяземский, путешествуя в 1850 г. по Святой Земле, записал в своём дневнике:

«Как поживёшь в Святом Граде, проикнешься убеждением, что судьбы его не исполнились. Тишина в нём царствующая, не тишина смерти, а торжественная тишина ожидания» [30].

У П.Я. Чаадаева своё восприятие Иерусалима:

«Все европейские народы шли вперёд в веках рука об руку; и как бы ни старались они теперь разойтись каждый своей дорогой, – они беспрестанно сходятся на одном и том же пути. Чтобы убедиться в том, как родственно развитие этих народов... вы увидите их всех простёртыми ниц у подножия Иерусалимских стен. вспомните, что в течение пятнадцати веков у них был один язык для обращения к Богу, одна духовная власть и одно убеждение... Слабость

нашей веры или несовершенство наших догматов до сих пор держали нас в стороне от этого общего движения, где развилась и формулировалась социальная идея христианства, и низвели нас в сон народов, коим суждено лишь косвенно и поздно воспользоваться всеми плодами христианства, то ясно, что нам следует прежде всего оживить свою веру всеми возможными способами и дать себе истинно христианский импульс... Вот что я подразумевал, говоря, что мы должны от начала повторить на себе всё воспитание человеческого рода» [31].

О творчестве великого писателя Николая Васильевича Гоголя написано множество трудов, в которых его сочинения анализируются с литературоведческих позиций. Но в большинстве из них либо ничего не говорится о религиозных воззрениях автора, его «размышлениях о Божественной Литургии», либо кратко упоминается о его обращении ко Христу в последние годы жизни. А ведь отрывочные сведения о паломничестве Н.В. Гоголя на Святую Землю содержатся в его письмах к разным лицам. Сопоставление и анализ этих источников позволяют более полно осветить важный этап в жизни писателя-христианина.

Н.В. Гоголь совершил паломничество в Иерусалим в 1848 г. Всю ночь он молился перед причастием в Храме Гроба Господня. Мысль писателя о поездке и её осуществление находились в неразрывной связи с развитием его религиозно-нравственного мировоззрения. Поэтому и сам Гоголь смотрел на путешествие в Палестину как на важнейшее из событий своей жизни. В то же время нельзя не заметить двойственность его впечатлений от увиденного в древнем Иерусалиме. После посещения христианской Святыни он с грустью отмечал:

«Я не стал лучшим, тогда как всё земное должно было бы во мне сгореть и остаться одно небесное» [32].

На Святой Земле Гоголь испытал момент высшего подъёма религиозного чувства. Благодаря паломничеству в Иеруса-

лим классик ещё чаще стал вовлекать читателя в процесс внутреннего самоочищения, совершенствования всех устоев человеческой жизни, мучительного поиска путей её обновления, духовного очищения и возвышения человека [33].

У Ф.М. Достоевского в «Преступлении и наказании» тоже часто возникает образ Иерусалима. В первом разговоре следователя Порфирия с Раскольниковым тот говорит о новом Иерусалиме как о цели всей истории человечества. Совершенно поражённый Порфирий спрашивает его:

«Так вы всё-таки верите же в Новый Иерусалим?»

– Верую, – твёрдо отвечал Раскольников; говоря это и в продолжение всей длинной тирады своей он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре.

– И-и-и в бога веруете? Извините, что так любопытствую.

– Верую, – повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.

– И-и в воскресение Лазаря веруете?

– Ве-верую. Зачем вам всё это?

– Буквально веруете?

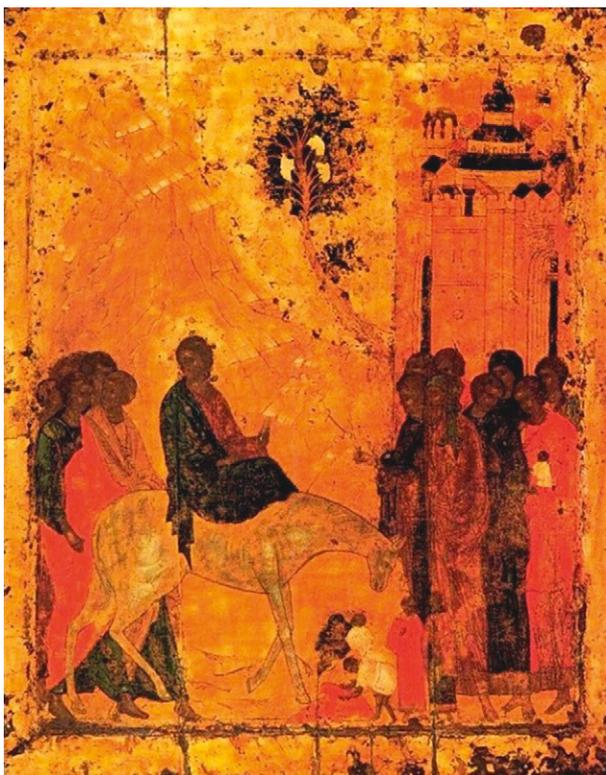
– Буквально [34].

Устами князя Василия Куракина Л.Н. Толстой доносит до читателя романа «Война и мир» следующие слова:

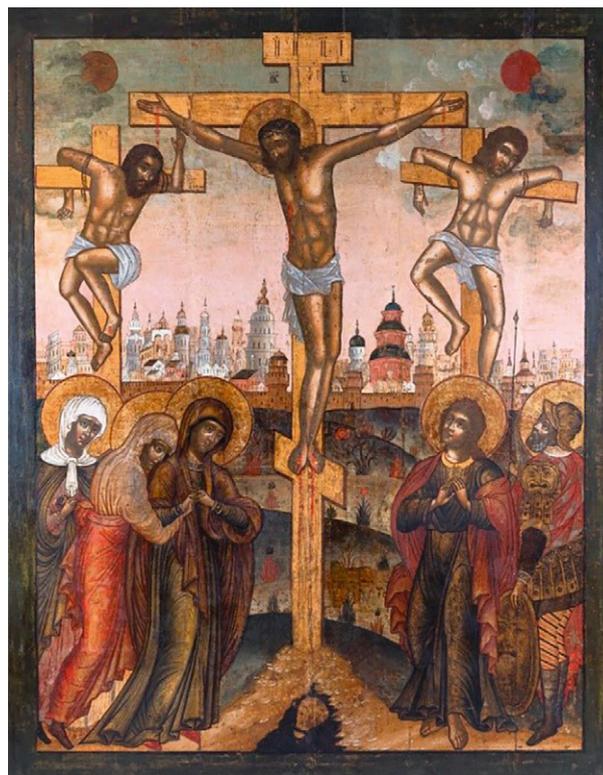
«Первопрестольный град Москва, Новый Иерусалим, приемлет Христа своего», – вдруг ударил он (князь Василий) на слове своего, – «яко мать во объятия усердных сынов своих, и сквозь возникающую мглу, провидя блистательную славу твоя держава, поёт в восторге: Осанна, благословен грядый!» [35].

Авторство этой цитаты принадлежит Митрополиту Платону, основавшему в 1785 г. Спасо-Вифанский монастырь в пяти верстах от Троицкой Лавры или от дома Преподобного Сергия Радонежского.

Произведения, содержащие индивидуальное осмысление библейских сюжетов, созданы лучшими, талантливейшими писателями, писателями-новаторами: В.А. Жуковским («Египетская тьма»), А.И. Куприным («Суламифь»), Л.Н. Андреевым («Иуда Искариот»),

Ил. 2. Андрей Рублёв. Вход Господень в Иерусалим (ок. 1405 г.). Благовещенский собор Московского Кремля

Ил. 3. Иконописцы Фома и Василий Потаповы. Страсти Христовы (1698 г.). Успенский собор Иосифо-Волоколамского монастыря

М.А. Булгаковым («Мастер и Маргарита»), Д.С. Мережковским («Антихрист»).

Российских живописцев Иерусалим привлекал с древности и до нашего времени. Прежде всего к образу Святого города обратились основатели отечественной школы иконописи. Выше представлены некоторые из их работ (ил. 2–3).

Одним из первых известных нам профессиональных художников, посетивших Святую Землю и посвятивших во многом свою творческую жизнь палестинской теме, был Максим Никифорович Воробьёв. В 1820–1821 гг. по высочайшему повелению Максим Никифорович был направлен в Святую Землю, где он путешествовал вместе с Д.В. Дашковым. Поездка М.Н. Воробьёва к святым местам Православного Востока была устроена наследником престола и великим князем Николаем Павловичем (будущим императором Николаем I), который, желая привести в надлежащий вид храм Воскресения Христова в Ново-

Иерусалимском монастыре под Москвой, хотел ясно представлять оригинал. Главной задачей художника в этом путешествии были «снятия видов и планов» храма Воскресения Господня в Иерусалиме. Трудность этого предприятия заключалась в том, что все измерения и рисунки надо было делать тайком от надзора местных мусульманских властей. Кроме храмов М.Н. Воробьёв нарисовал несколько пейзажных видов Иерусалима и Мёртвого моря, а по пути в Палестину – виды Константинополя, острова Родоса, Смирны, Яффы и другие. Все эти материалы для будущих картин заключались в 90 листах акварельных рисунков, частью эскизных, хотя некоторые имели весьма законченный вид. Как глубоко верующий человек Максим Никифорович во время своего паломничества смог поклониться святыням Константинополя, Иерусалима, Вифлеема и другим.

Из своей паломнической поездки художник привёз в Петербург целую кол-

лекцию рисунков и на их основе написал несколько знаменитых картин: «Иерусалим днём» (ил. 4) и «Иерусалим ночью» (ил. 5) (1830-е гг., Третьяковская галерея) (ил. 5), «Вход в храм Воскресения Христова в Иерусалиме» (1822) и «Внутренний вид придела Голгофы в храме Воскресения Христова в Иерусалиме» (1824, Эрмитаж). Он был награждён пожизненной пенсией за успешное выполнение палестинского поручения.

В XIX в. традицию творческого паломничества на Святую Землю по-своему продолжили известные художники реалистической живописи [36]. В.В. Верещагин и В.Д. Поленов совершили в 1884 г. путешествие в Палестину и Сирию (ил. 6, 7). В общей сложности цикл картин «Из жизни Христа», осуществлённый В.Д. Поленовым на Святой Земле, состоял из 64 картин, которые с восторгом были встречены публикой на выставках, организованных в Санкт-Петербурге, Москве и Твери. Весь цикл картин состоял из небольших по размеру работ, разбитых в соответствии с евангельской историей на разделы: 1. Детство и юность. 2. У Иордана. 3. В Галилее. 4. Вне Галилеи. 5. В Иерусалиме. 6. Последние дни. Картины, посвящённые Христу, которые были написаны до того, как В.Д. Поленов начал работать над циклом в целом («Христос и грешница», «На Геннисаретском озере», «Среди учителей»), вошли в него уменьшенными повторениями.

Образ Святых мест передали русские живописцы Григорий Григорьевич и Никанор Григорьевич Чернецовы, побывавшие с паломнической миссией на Востоке в середине XIX в. (ил. 8).

В своих путешествиях Чернецовы зарисовывали всё достойное внимания. Эти

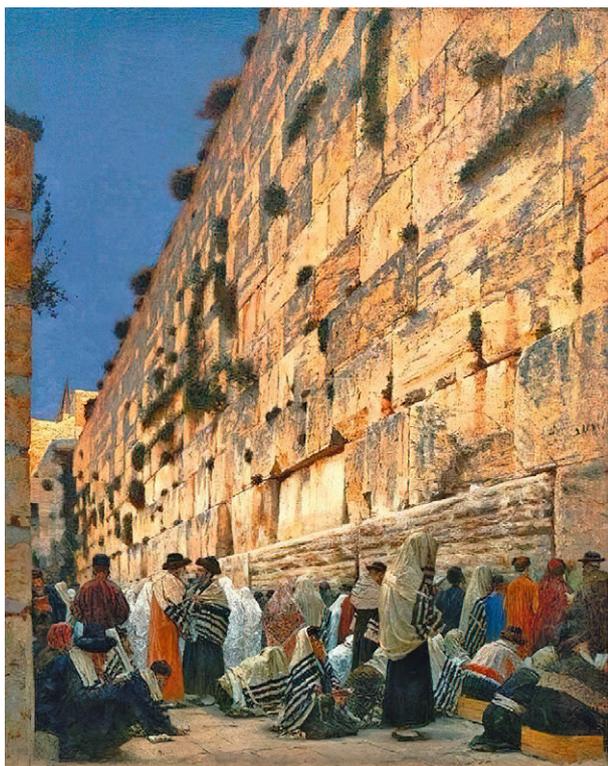

Ил. 4. М.Н. Воробьёв. Иерусалим днём (1830 г.).
Государственная Третьяковская галерея

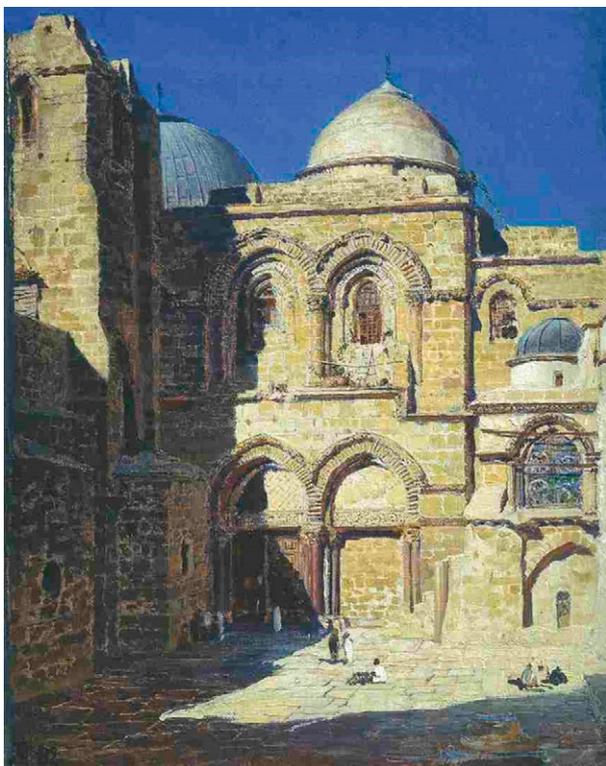

Ил. 5. М.Н. Воробьёв. Иерусалим ночью (1830 г.).
Государственная Третьяковская галерея

рисунки послужили художникам в дальнейшем темами для картин. За целый альбом видов Палестины им по решению Совета Императорской Академии художеств была назначена награда в 1000 рублей каждому. В 1844–1845 гг. был издан альбом «Палестина. Виды, рисованные с природы академиками Г. и Н. Чернецовыми в 1842–1843 годах». Издание это выходило четырьмя тетрадями с шестью рисунками в каждой. Ко всем тетрадям приложен лист объяснительного текста, а обложки весьма красиво иллюстрированы.

Ил. 6. В.В. Верещагин.
Стена Соломона (Стена Плача) (1884–1885 гг.).
Частная коллекция

Ил. 7. В.Д. Поленов.
Вид храма Гроба Господня снаружи (1882 г.).
Государственная Третьяковская галерея

В 1860-х гг. совершил путешествие в Палестину и на Афон московский пейзажист Константин Карлович Герц (ил. 9), брат известного российского историка, археолога, искусствоведа, заслуженного профессора Московского университета Карла Карловича Герца. В Россию Герц привёз альбом акварелей с видами Иерусалима и других Святых мест.

В октябре 1872 г. Евгений Кириллович Макаров совершил путешествие в Святую Землю в свите великого князя Николая Николаевича Старшего. Рисунки художника были использованы для оформления книги «Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году», которая была издана в 1881 г. в Санкт-Петербурге.

В 1888 г. Великого князя Сергея Александровича во время путешествия на православный Восток сопровождал живописец-пейзажист академик Императорской Академии художеств Ефим Ефимович Волков.

В 1891–1892 гг. в составе археологической экспедиции Н.П. Кондакова в Палестине побывал русский художник Алексей Данилович Кившенко. Его акварели были опубликованы в качестве иллюстраций в путеводителе А.А. Суворина под названием «Палестина» (ил. 10).

А.Д. Кившенко оставил в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме блестящий портрет в полный рост арх. Антонина (Капустина) (ил. 11).

Илья Ефимович Репин посетил Иерусалим в июне–июле 1898 г. (ил. 12). Он желал проникнуться духом Святой Земли перед тем, как начать работу над главным шедевром своей жизни – картиной «Искушение Христа в пустыне». Сам он так отзывался о своём пребывании в Палестине:

«Я почти ничего не писал там. Некогда. Хотелось больше видеть. Впрочем, написал образ в русскую церковь на раскопках, голову Спасителя, несение креста. Хотелось и свою лепту положить в Иерусалим, куда идёт так много денег из России, много ещё веры, но так мало разума, без которого ничтоже бысть все» [37]. Воспоминания

Ил. 8. Н.Г. Чернецов. Вид Иерусалима с Елеонской горы (1854 г.). Третьяковская галерея

Ил. 9. К.К. Герц. Крестный путь (ок. 1860 г.). Государственный исторический музей

Ил. 10. А.Д. Кившенко. Арка «Ессе Номо» («Се Человек») на Скорбном пути в Старом Городе Иерусалима (Суворин А.А. Палестина. СПб., 1898. С. 98)

Ил. 11. А.Д. Кившенко. Архимандрит Антонин Капустин (Суворин А.А. Палестина. СПб., 1898. С. 98)

о паломническом путешествии в Святую Землю сохранились в памяти великого русского художника на всю жизнь и, возможно, отразились в его последней работе на евангельскую тему — «Голгофа».

В основе картины Н.К. Рериха лежит популярный в начале XX в. сюжет о «Книге голубиной» из древнерусских сказаний.

Уже в наше время академик Императорской Академии художеств Николай Андреевич Кошелев, участвовавший в создании иконописных росписей в Храме Христа Спасителя в Москве и Храме Спаса на крови в Санкт-Петербурге, посетил в 1990–1991 гг. Палестину. Во время путешествия он написал серию пейзажей и набросков к будущим полотнам и росписям на библейские темы. В Александровском подворье в Старом Иерусалиме сохранился впечатляющий образ Спасителя в терновом венце (ил. 13). Серия больших икон,

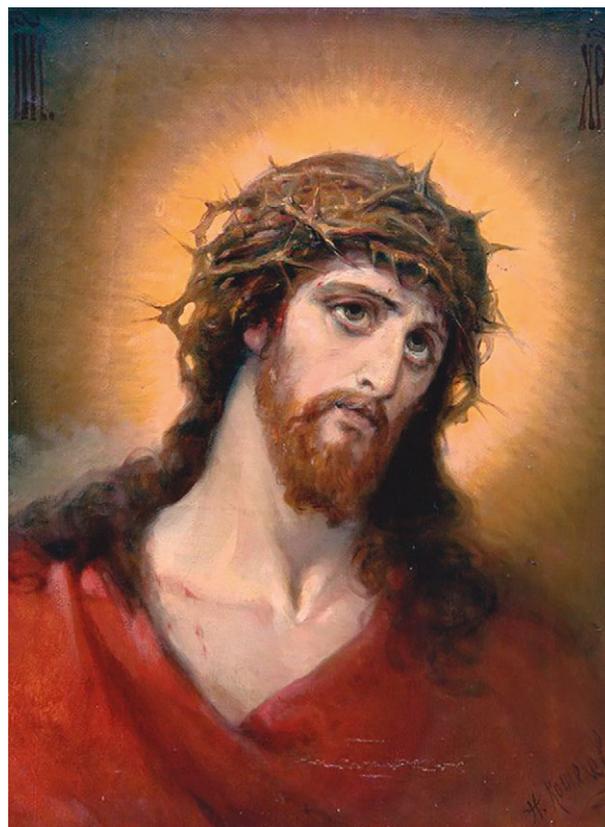
написанных Н.А. Кошелевым по заказу Императорского Православного Палестинского Общества для русского храма во имя святого благоверного князя Александра Невского в Иерусалиме, является одной из вершин в творчестве художника.

В 1960-х гг. после завершения строительства Собора Святой Троицы — главного Храма Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Московского Патриархата — русский художник Михаил Феофанович Грановский выполнил работу по росписи стен и декоративному убранству внутреннего интерьера (ил. 14). Пётр Кириллович Соколов (1829–1898), русский художник и реставратор, по заданию ИППО аналогичную работу осуществил в Храме св. равноапостольной Марии Магdalены на Елеоне.

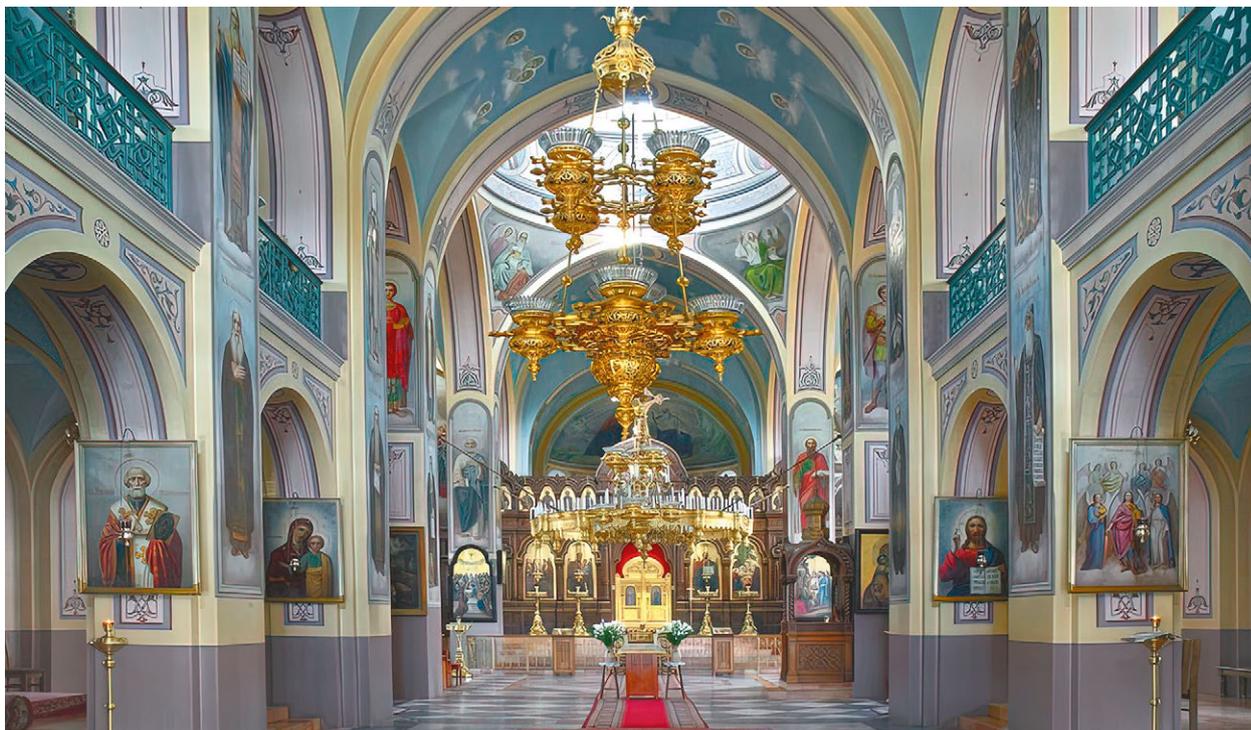
В этой статье упомянуты далеко не все российские художники, совершившие па-

Ил. 12. И.Е. Репин. Несение Креста (1890 г.).
Александровское подворье. Иерусалим

Ил. 13. Н.А. Кошелев.
Христос в терновом венце (1990 г.).
Александровское подворье. Иерусалим

Ил. 14. Вид на алтарную часть Собора Святой Троицы в Иерусалиме
с настенными росписями М.Ф. Грановского

ломничество в Палестину и запечатлевшие самые разные сюжеты, связанные со Святой Землей и её центром — Иерусалимом. И в наши дни отечественные живописцы приезжают туда, и результатом их путешествия становятся новые достойные внима-

ния шедевры. Сказанное выше позволяет утверждать, что исторические связи России и Святой Земли с её центром в Иерусалиме оказали существенное влияние на формирование духовных и культурных основ и ценностей Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. текста, ст. и коммент. С.К. Шамбинаго. М.: Художественная литература, 1938.
2. Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / Сост., вступ. ст., прим. Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокошина. М.: Московский рабочий, 1991.
3. Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина: В 2 т. Л.: Наука, 1983–1986. Т. 1.
4. Голубина книга сорока пядень. Сборник Кирши Данилова / Под ред. П.Н. Шеффера. СПб.: Изд. Императорской публичной библиотеки по рукописи, пожертвованной в библиотеку князем М.Р. Долгоруковым, 1901.
5. Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. М.: Книгоизд-во «Современные проблемы», 1914.
6. Василий Буслаев Во славном во Нове-городе. // Новгородские былины / Изд. подгот. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М.: Наука, 1978.
7. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Типография Импер Академии наук. Т. 1. 1873.
8. Ломоносов М.В. Ода Всепресветлейшему Державнейшему Великому Государю Императору Петру Феодоровичу, Самодержцу Всероссийскому, Пресветлейшему Владетельному Герцогу Голстинскому, Высокому Наследнику Норвежскому и протчая, и протчая, и протчая, Всемилостивейшему Государю, которую Его Императорскому Величеству на всерадостное восшествие на Всероссийский Наследный Императорский Престол и купно на новый 1762 год в изъявление истинных радости, усердия и благоговения всенижайше приносит всеподданнейший раб Михайло Ломоносов // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950–1983. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. 1959.
9. Ломоносов М.В. Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественный праздник тезоименитства Ея Величества Сентября 5 дня 1759 года и на преславных Ея победы, одержанных над королём прусским нынешняго 1759 года, которою приносится всенижайшее и всеусерднейшее поздравление от всеподданнейшаго раба Михайла Ломоносова. Там же.
10. Державин Г.Р. Ода на поднесение его императорскому величеству великого магистерства ордена святого Иоанна Иерусалимского, и на победу над французами, российским флотом одержанную, 1798 года. СПб.: Типография Г.М. Коллегии, 1798.
11. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 3: Поэмы, Сказки. С. 379.
12. Житие святого отца нашего Иоанна, архиепископа Новгородского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского. 12 кн. Кн. 2 доп. М.: Моск. Синод. тип., 1903–1916. Т. I. С. 169.
13. Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989. Т. 2: Стихотворения и поэмы. 1837–1841. С. 14.
14. Александрова-Осокина О.Н. Стихотворение П.А. Вяземского «Иерусалим» в контексте «паломнической темы» русской литературы: опыт интерпретации духовной лирики // Вестник Челябинского государственного университета. № 12 (408). Филологические науки. Вып. 110. 2017. С. 8.
15. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 1: Стихотворения (1888–1911). Рассказы (1892–1901). С. 197–198.

16. Блок А. Двенадцать. Петербург: Алконост, 1918. С. 18.
17. Осип Манделштам. Сочинения: В 2 т. Т. 1: Стихотворения, переводы / Сост. С. Аверинцев и П. Нерлер. М.: Художественная литература, 1990. С. 114.
18. Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1976. С. 325.
19. Цветаева М.А. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1: Стихотворения (1906–1920). С. 388.
20. Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.: Воскресение, 2001. Т. 4: Стихотворения. Поэмы 1918–1921. С. 98.
21. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. Т. IV. С. 547.
22. Гейзер М.М. Маршак. ЖЗЛ. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая Гвардия, 2022. С. 80.
23. Маршак С.Я. Стихотворения и поэмы. М.: Библиотека поэта, 1973. С. 167–168.
24. Маршак С.Я. Палестина. Еврейские мотивы в русской поэзии. Иерусалим: Библиотека «Алия», 1974. С. 29.
25. Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим: Кетер, 1990. Т. 5. С. 140.
26. Галеви Иегуда. Сердце моё на Востоке. Иерусалим: Библиотека «Алия», 1990. С. 35.
27. Еврейские мотивы в русской поэзии. М.; Иерусалим: Менора, 1993. С. 111–112.
28. Дементьев А.Д. Вирази времени. М.: Эксмо, 2004. С. 135.
29. Письма Н.В. Гоголя / Под ред. В.И. Шенрока. СПб., 1902. Т. IV. С. 301.
30. Путешествие на Восток князя П.А. Вяземского. СПб., 1883. С. 83.
31. Чаадаев П.Я. Первое философическое письмо // Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 41.
32. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. М.; Киев: Изд-во Московской патриархии. Т. 15. С. 303.
33. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. М.: Правда. 1984. С. 37.
34. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 6. С. 224.
35. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985. Т. 7: Война и мир. Том четвёртый. С. 10.
36. См.: Житенёв С.Ю. Русские художники XIX века у святынь Вселенского Православия // Русский мир — 2011: Сборник статей. М. Магистр: ИНФРА-М, 2011. С. 65–86.
37. Письма И.Е. Репина А.В. Жиркевичу. 1888–1906 // Третьяковская галерея. Приложение к выпуску № 1 (62), 2019. С. 145.

The Influence of Jerusalem on the Russian Culture

Andrey Vasilievich Fedorchenko — Doctor of Economics (PhD), Professor, Director of the Center for the Middle East Studies at the Moscow State Institute of International Relations (also known as MGIMO) of the Russian Ministry of Foreign Affairs, head of the project “Jerusalem and the Holy Land in the Retrospective of the Russian Foreign Policy in the Orthodox East” (21-014-41001).

E-mail: avkrylov2004@mail.ru

Aleksandr Vladimirovich Krylov — Doctor of Historical Sciences (PhD), Professor, Leading Researcher at the Center for the Middle East Studies at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Russian Ministry of Foreign Affairs, executor of the same project.

E-mail: avkrylov2004@mail.ru

Jerusalem and Russia are bound not by years, but by centuries. Since the time of the Baptism of Russia, Jerusalem has been associated with the center of the universe and the spiritual foundations of all mankind, with the center of the origin of the three major monotheistic religions. Since

the 11th century, thousands of pilgrims have travelled from the Russian land to the East “to Jerusalem City to pray, to worship the Holy Sepulcher”. The history of Jerusalem and biblical tales about it were reflected in the Old Russian folklore, the paintings of famous Russian painters, the works of classic Russian literature, the memoirs of famous representatives of the Russian culture and public thought. The article reveals some plots and aspects of this immense topic.

Keywords: Jerusalem, Palestine, Russia, Old Russian heroic poems about Jerusalem, pilgrimage to the Holy Land, Holy City in Russian culture

REFERENCES

1. Drevnie rossiiskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym / Podgot. teksta, st. i koment. S.K. Shambinago. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1938 (in Russian).
2. Golubinaya kniga: Russkie narodnye dukhovnye stikhi XI–XIX vv. / Sost., vstup. st., prim. L.F. Soloshchenko, Yu.S. Prokoshina. M.: Moskovskii rabochii, 1991 (in Russian).
3. Sbranie narodnykh pesen P.V. Kireevskogo. Zapisi P.I. Yakushkina: V 2 t. L.: Nauka, 1983–1986. T. 1 (in Russian).
4. Golubina kniga soroka pyaden'. Sbornik Kirshi Danilova / Pod red. P.N. Sheffera. SPb.: Izd. Imperatorskoi publichnoi biblioteki po rukopisi, pozhertvovannoi v biblioteku knyazem M.R. Dolgorukovym, 1901 (in Russian).
5. Afanas'ev A.N. Narodnye russkie legendy. M.: Knigoizd-vo «Sovremennye problemy», 1914 (in Russian).
6. Vasilii Buslaev Vo slavnom vo Nove-gorode. // Novgorodskie byliny / Izd. podgot. Yu.I. Smirnov i V.G. Smolitskii. M.: Nauka, 1978 (in Russian).
7. Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 goda. SPb.: Tipografiya Imper Akademii nauk. T. 1. 1873 (in Russian).
8. Lomonosov M.V. Oda Vsepresvetleishemu Derzhavneishemu Velikomu Gosudaryu Imperatoru Petru Feodorovichu, Samoderzhitsu Vserossiiskomu, Presvetleishemu Vladetel'nomu Gertsogu Golstinskomu, Vysokomu Nasledniku Norvezhskomu i protchaya, i protchaya, i protchaya, Vsemilostiveishemu Gosudaryu, kotoruyu Ego Imperatorskomu Velichestvu na vseradostnoe voshchestvie na Vserossiiskii Naslednyi Imperatorskii Prestol i kupno na novyi 1762 god v iz'yavlenie istinnyya radosti, userdiya i blagogoveniya vsenizhaishe prinosit vsepoddanneishii rab Mikhailo Lomonosov // Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenii. M.; L.: Izd. AN SSSR. 1950–1983. T. 8: Poeziya, oratorskaya proza, nadpisi, 1732–1764. 1959 (in Russian).
9. Lomonosov M.V. Oda Eya Imperatorskomu Velichestvu Vsepresvetleishei Derzhavneishei Velikoi Gosudaryne Imperatritse Elisavete Petrovne, Samoderzhitse Vserossiiskoi, na torzhestvennyi prazdnik tezoimenitstva Eya Velichestva Sentyabrya 5 dnya 1759 goda i na preslavnyya Eya pobedy, oderzhannyya nad korolyom prusskim nyneshnyago 1759 goda, kotoroyu prinositsya vsenizhaishee i vseuserdneishee pozdravlenie ot vsepoddanneishago raba Mikhaila Lomonosova. Tam zhe (in Russian).
10. Derzhavin G.R. Oda na podnesenie ego imperatorskomu velichestvu velikogo magisterstva ordena svyatogo Ioanna Ierusalimskogo, i na pobedu nad frantsuzami, rossiiskim flotom oderzhannuyu, 1798 goda. SPb.: Tipografiya G.M. Kollegii, 1798 (in Russian).
11. Pushkin A.S. Sobranie sochinenii: V 10 t. M.: GIKHL, 1959–1962. T. 3: Poemy, Skazki. S. 379 (in Russian).
12. Zhitie svyatogo ottsa nashego Ioanna, arkhiepiskopa Novgorodskogo // Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei svt. Dimitriya Rostovskogo. 12 kn. Kn. 2 dop. M.: Mosk. Sinod. tip., 1903–1916. T. I. S. 169 (in Russian).

13. Lermontov M.Yu. Polnoe sobranie stikhotvorenii: V 2 t. L.: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1989. T. 2: Stikhotvoreniya i poemy. 1837–1841. S. 14 (in Russian).
14. Aleksandrova-Osokina O.N. Stikhotvorenie P.A. Vyazemskogo «Ierusalim» v kontekste «palomnicheskoi temy» russkoi literatury: opyt interpretatsii dukhovnoi liriki // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 12 (408). Filologicheskie nauki. Vyp. 110. 2017. S. 8 (in Russian).
15. Bunin I.A. Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. M.: Voskresen'e, 2006. T. 1: Stikhotvoreniya (1888–1911). Rasskazy (1892–1901). S. 197–198 (in Russian).
16. Blok A. Dvenadtsat'. Peterburg: Alkonost, 1918. S. 18 (in Russian).
17. Osip Mandel'shtam. Sochineniya: V 2 t. T. 1: Stikhotvoreniya, perevody / Sost. S. Averintsev i P. Nerler. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. S. 114 (in Russian).
18. Akhmatova A.A. Stikhotvoreniya i poemy. Biblioteka poeta. L.: Sovetskii pisatel', 1976. S. 325 (in Russian).
19. Tsvetaeva M.A. Sobranie sochinenii: V 7 t. M.: Ellis Lak, 1994. T. 1: Stikhotvoreniya (1906–1920). S. 388 (in Russian).
20. Gumilyov N.S. Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t. M.: Voskresenie, 2001. T. 4: Stikhotvoreniya. Poemy 1918–1921. S. 98 (in Russian).
21. Pasternak B.L. Polnoe sobranie sochinenii: V 11 t. M.: SLOVO/SLOVO, 2004. T. IV. S. 547 (in Russian).
22. Geizer M.M. Marshak. ZHZL. Zhizn' zamechatel'nykh lyudei. M.: Molodaya Gvardiya, 2022. S. 80 (in Russian).
23. Marshak S.Ya. Stikhotvoreniya i poemy. M.: Biblioteka poeta, 1973. S. 167–168 (in Russian).
24. Marshak S.Ya. Palestina. Evreiskie motivy v russkoi poezii». Ierusalim: Biblioteka «Aliya», 1974. S. 29 (in Russian).
25. Kratkaya evreiskaya entsiklopediya. Ierusalim: Keter, 1990. T. 5. S. 140 (in Russian).
26. Galevi Ieguda. Serdtse moyo na Vostoke. Ierusalim: Biblioteka «Aliya», 1990. S. 35 (in Russian).
27. Evreiskie motivy v russkoi poezii. M.; Ierusalim: Menora, 1993. S. 111–112 (in Russian).
28. Dement'ev A.D. Virazhi vremeni. M.: Eksmo, 2004. S. 135 (in Russian).
29. Pis'ma N.V. Gogolya / Pod red. V.I. Shenroka. SPb., 1902. T. IV. S. 301 (in Russian).
30. Puteshestvie na Vostok knyazya P.A. Vyazemskogo. SPb., 1883. S. 83 (in Russian).
31. Chaadaev P.Ya. Pervoe filosoficheskoe pis'mo // Poln. sobr. soch. i izbr. pis'ma. M., 1991. T. 1. S. 41 (in Russian).
32. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. M.; Kiev: Izd-vo Moskovskoi patriarkhii. T. 15. S. 303 (in Russian).
33. Gogol' N.V. Sobranie sochinenii: V 8 t. T. 1. M.: Pravda. 1984. S. 37 (in Russian).
34. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. L.: Nauka, 1976. T. 6. S. 224 (in Russian).
35. Tolstoi L.N. Sobranie sochinenii: V 22 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1978–1985. T. 7: Voina i mir. Tom chetyortyi. S. 10 (in Russian).
36. Sm.: Zhitenyov S.Yu. Russkie khudozhniki XIX veka u svyatyn' Vselenskogo Pravoslaviya // Russkii mir – 2011: Sbornik statei. M. Magistr: INFRA-M, 2011. S. 65–86 (in Russian).
37. Pis'ma I.E. Repina A.V. Zhirkevichu. 1888–1906 // Tret'yakovskaya galereya. Prilozhenie k vypusku № 1 (62), 2019. S. 145 (in Russian).